
КУПИДОН В ПОГОНАХ
ЛИТМОБ
ТАТЬЯНА БЭК
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
РЫЖАЯ ЗАНОЗА для СУРОВОГО

Татьяна Бэк

Рыжая заноза для сурового

Серия «Купидон в погонах»

https://litres.ru/74962883
SelfPub; 2026

Аннотация

Я всего лишь хотел тишины и спокойствия, чтобы зализать раны, словно уставший хищник. Но посреди ночной трассы, под проливным дождём мне под колёса кидается прекрасная незнакомка.

Возможно, другой бы оставил эту рыжую бестию на обочине, но я мужчина и русский офицер, который не бросит того, кто нуждается в спасении.

Если бы я знал, что эта малышка окажется занозой не только в ж... мягком месте, но и в сердце. Теперь ради неё я готов бросить вызов всему миру.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рыжая заноза для сурового

Глава 1

«Эй, моряк, ты слишком долго плавал!» — надрывается магнитола привязчивой мелодией, и я со злости выключаю музыку, тыкнув пальцем так, что ни в чём не повинный приёмник жалобно скрипнул.

— Что, Шмель, правда глаза колет? — интересуюсь у своего хмурого отражения в зеркале заднего вида. Всё правильно в песне, из которой, как известно, слов не выкинешь. Какая нормальная женщина будет ждать моряка? Хотя нормальная, может, и будет, а вот Наташка не стала: загуляла, лярва, с каким-то командировочным, пока я границы охранял. Ну, бог ей судья, Наташку, наверное, понять можно: сколько мы с ней времени вместе проводили? Как часто я вообще дома бывал?

Вдавливаю педаль газа сильнее, словно надеясь таким образом свалить от не слишком радужных мыслей. Не сказать, что я сильно расстроился — не было между нами великой любви, но всё равно как-то муторно на душе. Поэтому и выпросился у Бати — у полковника Шилова, моего непосредственного начальника — на пару недель в отпуск.

Батя — мужик суровый, но понимающий, поэтому и отпустил, потребовав взамен привезти ему рыбы копчёной. Любит он моим уловом полакомиться.

При мысли о том, что ближайшие две недели меня ждёт

покой, одиночество, тишина и рыбалка, становится как-то легче. И чего я сопли распустил, словно кисейная барышня? В конце концов, я морской волк, да и по характеру бирюк, меня женское присутствие всегда тяготило. Ну не умею я находить общий язык с прекрасным полом: понимать их слишком тонкие намёки, терпеть обиды из разряда «сама придумала — сама обиделась». Короче, баба с воза — кобыле легче.

Дождь усиливается, и меня начинает клонить в сон на пустынной ночной трассе. Уже подумываю вновь включить магнитолу, как вдруг свет фар выхватывает из темноты тонкую женскую фигурку в белом. Это похоже на появление мотылька, летящего на свет свечи: красиво, но… смертельно опасно.

Тело реагирует само: руки выкручивают руль, нога прыгает между педалями, стараясь удержать машину на скользком асфальте и избежать вылета в кювет. Кажется, что проходит вечность, хотя на самом деле — всего несколько секунд, прежде чем авто останавливается.

Смотрю на побелевшие от напряжения руки и ствол дерева, темнеющий всего в метре от лобовухи. А ведь ещё немного — и меня могло размотать ко всем чертям. Но эта мысль остаётся где-то на задворках сознания, ибо сейчас меня беспокоит другое…

Вылетаю из тачки на адреналине, одновременно молясь и рыча. Если эта сумасшедшая, что выскочила перед маши-

ной, жива, то прибью её собственными руками! Какого хрена она вообще делает здесь, на ночной трассе под проливным дождём, вдали от всех населённых пунктов? Скорее всего, придорожная плечевая, не поделившая что-то с клиентом?

Неподвижное светлое пятно белеет на графитово-чёрном мокром асфальте.

«Чёрт, чёрт, чёрт!» — бубню под нос, пробегая оставшееся расстояние. Девчонка лежит на спине, раскинув руки, словно крылья — вот-вот взмахнёт ими и взлетит.

Красивая, зараза… И совсем молоденькая. Сколько ей? Лет двадцать от силы. И совсем не похожа на шлюху, слишком уж чистая, свежая и нежная, будто статуэтка фарфоровая. Нет на ней этой печати порока, которая сразу читается на лицах представительниц древнейшей профессии.

Глава 2

Кажется, незнакомка не дышит: грудь, обтянутая мокрой тканью, не двигается. Стараюсь не залипать на идеальные полушария, облепленные светлым шёлком, и прикладываю ухо, в надежде услышать пульс.

«Ну же, малышка, будь живой! Не вздумай умереть у меня на руках!» — приказываю ей мысленно, и с облегчением слышу сбивчивое рваное дыхание, срывающееся с посиневших губ с хрипом.

А в следующий момент незнакомка вдруг вздрагивает и вцепляется мне в лицо ногтями, словно дикая кошка. Меня сложно застать врасплох, но в этот раз я точно не ожидал подобного. Девчонка успевает расцарапать мне щёку до того, как перехватываю её тоненькую дрожащую руку.

— Ты больная, что ли? — рычу, вглядываясь в её бледное лицо, на котором горят страхом и злостью серые глазищи.

— Отпусти, урод! Убери лапы! Я не вернусь, понял? Так и передай ему! Лучше грохни меня прямо здесь! — выплёвывает она мне в лицо с яростью.

Охеренно съездил на рыбалку… Тишина и спокойствие, бляха-муха… На мгновение мне в голову закрадывается мысль просто сесть в машину и уехать, ибо что-то мне подсказывает, что от этой девчонки будут одни проблемы, а ин-

туиция меня ещё ни разу не подводила. Но ведь я мужчина и русский офицер, а значит, не могу оставить того, кто нуждается в помощи.

— Рот закрой и слушай меня! — рявкаю на девчонку, которая пытается меня лягнуть. — Я не знаю, кто ты такая и что здесь делаешь. И мне это вообще не интересно. Сейчас я отвезу тебя в больницу. А если будешь пытаться меня ударить, придётся тебя связать. У меня нет времени нянчиться с какими-то полоумными красотками, которые мне под колёса кидаются.

Малышка молчит и ловит ртом воздух, а страх в её широко распахнутых глазах вдруг сменяется недоверием, а затем облегчением. Пухлые губы начинают подрагивать, и я понимаю, что сейчас она разревётся.

— Отставить истерику! — командую я.

Удивительно, но малышка тут же берёт себя в руки, и я прям готов ей поаплодировать, но продолжаю сжимать её тонкие запястья.

— Мне нельзя в больницу… Он меня найдёт! — тихо и обречённо заявляет незнакомка.

Всё же, походу, я был прав. Эта малышка — ночная бабочка, свалившая от хозяина. Тогда понятно и её присутствие на трассе, и страх оказаться в больнице, где её могут найти.

— Свалила от сутенёра? — холодно интересуюсь, отпуская её руки.

Не сторонник я продажной любви. Понятно, что у каждой женщины есть обстоятельства, которые толкнули её на панель, но всё равно испытываю брезгливость и отторжение при виде проституток. И не понимаю, мужиков, которые услугами путан пользуются.

На бледном лице малышки вдруг появляется румянец, и даже синие губы приобретают нормальный оттенок, отчего становятся ещё более манящими.

— Я не шлюха! — взвизгивает она и, кажется, сейчас опять готова вцепиться в моё лицо. — Я… я… неважно, короче. Отвези меня подальше отсюда. Я заплачу щедро! Эти серьги стоят порядка ляма.

Красотка расстёгивает застёжки на мерцающих даже в темноте серьгах и протягивает мне на раскрытой ладони.

— Убери цацки! И вставай с асфальта, пока всё не застудила!

Поднимаюсь с колена, а потом подхватываю незнакомку и ставлю её на ноги. Она такая лёгкая, словно пёрышко. Сейчас у меня появляется возможность рассмотреть мою «головную боль» внимательнее, и буквально зависаю на мгновение. Худенькая, но с женственными изгибами там, где нужно. Под намокшей и ставшей прозрачной тканью платья читается каждая линия соблазнительного тела.

Сглатываю и перевожу взгляд на лицо девчонки, которая, конечно, успела заметить, как я пялился на её грудь, словно пубертатный пацан. Вот что делает недотрах с человеком:

член уже наготове, а в голове такие картинки, в которых беру эту красотку, что дыхание сбивается.

— Насмотрелся? — ядовито интересуется малышка. — Только учти, тебе не светит.

— А ты не слишком борзая для той, что оказалась ночью на пустой дороге наедине с незнакомцем? А вдруг я планирую ограбить тебя, трахнуть и бросить на обочине? — интересуюсь зло и делаю шаг к языкастой занозе.

Её глаза округляются, и малышка отступает, кажется, осознав, что ей стоит быть повежливее.

— Ты этого не сделаешь! — заявляет уверенно, хотя голосок-то дрожит. — У тебя глаза добрые, но уставшие.

Пару мгновений пытаюсь осознать услышанное, а потом неожиданно для себя начинаю хохотать. Боже, что за бредовая ситуация? Морской ёж мне в кильватер!

— Слушай, принцесса! — хриплю, отсмеявшись. — Я действительно не собираюсь тебя грабить и уж тем более насиловать. Ты, знаешь ли, не в моём вкусе! — отчаянно вру я, надеясь, что девчонка не заметит в темноте мой предательский стояк. — Я могу довезти тебя до ближайшего пункта милиции, если тебе угрожает опасность…

— Нет! — тонкий голос срывается на испуганный визг. — Ты не понимаешь, меня ищет и милиция. И если найдут, то отдадут… ему.

— Да кому ему? — срываюсь раздражённо.

— Моему отцу… Виктору Утюгову.

— Утюгу? — переспрашиваю, надеясь, что речь идёт не о хозяине всего региона, бывшему уголовнику, а ныне «уважаемому» и крайне влиятельному человеку, у которого губернаторы и мэры спрашивают разрешения на мало-мальски значимые действия.

— Ему… — обречённо выдыхает заноза и вдруг поднимает на меня взгляд, полный такой отчаянной надежды, словно у утопающего при виде спасательного круга.

— Пиздец… — так же обречённо выдаю я, понимая, что сейчас я сделаю то, о чём сильно пожалею. — Как тебя зовут, наказание?

— Людмила. Но лучше — Мила.

— Ну что, Мила, залезай в машину. Кажется, нас ждёт долгий и обстоятельный разговор.

Глава 3

Малышка на заднем сиденье дрожит так, что слышу, как стучат её зубы, хотя печка в салоне выкручена на максимум.

— Раздевайся! — приказываю коротко.

Мила вздрагивает и пытается забиться в угол, глядя на меня, как затравленный зверёк.

— Ты же сказал…

— Да не собираюсь я тебя насиловать. Тебе надо согреться, а в этой мокрой тряпке не сможешь. Сзади лежит одежда, переодевайся. Я не буду смотреть.

Это будет нереально тяжело… Мне почему-то хочется рассмотреть эту малышку во всех подробностях, увидеть каждую родинку, провести по светлой коже, чувствуя, как она покрывается мурашками под моими пальцами.

Пока Мила сосредоточенно сопит позади, я пялюсь на педали, словно ничего интереснее в жизни не видел. Что за херня? У меня сейчас в тачке ходячая катастрофа, а я только и думаю, как бы сжать её в объятиях, прикусить за тонкую элегантную шею и услышать стон желания, срывающийся с пухлых соблазнительных губ.

— Я всё… — доносится до меня тихий голос.

Поднимаю взгляд в зеркало заднего вида и чуть не вздыхаю от недовольства. Хрупкая красотка утопает в моём сви-

тере и спортивных штанах, которые напрочь скрыли её фигурку.

— А вы военный? — спрашивает она взволнованно, переходя на «вы» и кивая на мой китель с погонами и планками.

— Да. Моряк.

— Я сразу почувствовала, что вы… правильный и… настоящий!

— Особенно когда вцепилась мне в лицо? — интересуюсь с усмешкой, глядя на располосованную щёку.

— Извините, я думала, что вы один из людей моего отца!

Кажется, Миле и впрямь стыдно, либо она хорошая актриса.

— Ты чего начала мне выкать? Я себя ощущаю старым дедом.

— Вы… то есть ты… не старый. И уж точно не дед! — на личике девчонки появляется хитрая улыбка. — Я видела, как ты на меня смотрел, хоть и уверяешь, что я не в твоём вкусе.

Вот ведь заноза-девка! Характер имеется явно.

— Ладно, хватит обмениваться любезностями. Рассказывай, что случилось и почему тебя ищет отец? И как ты оказалась здесь?

Мила прячет дрожащие пальцы в рукава свитера, сразу становясь маленькой испуганной девочкой, и начинает рассказ.

Оказывается, Утюг решил выдать единственную дочь за-

муж с целью расширения сферы своего влияния, поэтому в мужья Миле предназначался крайне серьёзный и авторитетный кандидат, имевший несколько судимостей, многомиллионный бизнес, связи в столице вплоть до министров. Помимо прочего, кандидат был стар, тучен и обладал нездоровой садистской любовью к юным девушкам.

— …Говорят, что этот урод кончает, только если делает больно партнёрше! — со всхлипом заявляет Мила, утирая злую слезу. — Да я лучше сдохну, чем выйду замуж за Фирсова.

— И что сказал твой отец по поводу твоего несогласия? — интересуюсь, заранее зная ответ.

— Сказал, что ему насрать на мои капризы, и я буду делать то, что он прикажет! Заявил, что если будет надо, то приволочёт меня к алтарю за волосы. И это было не преувеличение. Тогда я поняла, что надо бежать, пока меня не изолировали и не лишили свободы передвижения. Я сняла наличку с карт, захватила немного вещей и драгоценности, а затем сбежала от охранников, отправившись в магазин нижнего белья, где работает моя подруга. Она вывела меня через чёрный ход.

Ай да девчонка! Со стержнем принцесса, оказывается. Да и с головой, что особенно ценно.

— И куда ты собиралась сбежать?

— Куда угодно, лишь бы подальше. Надеялась добраться до портового города, а там заплатить капитану судна, чтобы

вывез меня в Японию. Там живут мои друзья, они помогли бы устроиться. Но мужчина, который согласился меня подвезти… он… — Мила вновь всхлипывает и начинает дрожать сильнее. — Короче, он стал меня домогаться. А когда я заехала ему по носу со всей силы, этот козёл выкинул меня из машины и уехал со всеми моими вещами и деньгами, оставив меня на обочине. Но нос я ему точно сломала, так что надолго меня запомнит.

Даже не знаю, плакать мне или смеяться… А ещё совершенно не представляю, что мне делать с этим «подарком судьбы», доверчиво глазеющим на меня с заднего сиденья. Мила вдруг сладко зевает, зажмурившись, и я понимаю, что она на пределе сил. Сейчас, когда адреналин отпустил, у неё начинается откат. Ей нужен покой, иначе эта малышка просто сломается.

— Поспи немного! — произношу спокойно, хотя мне вот ни хера не спокойно, но Миле нужен островок уверенности. — Я отвезу тебя в безопасное место, где тебя точно никто не найдёт.

— А потом? — сонно спрашивает она, сворачиваясь калачиком на сиденье.

— Потом — суп с котом! — заявляю не слишком любезно, но Мила уже не слышит, погрузившись в глубокий сон.

Глава 4

Дорога петляет меж тёмных полей, и дождь всё ещё барабанит по крыше, но уже как-то приглушённо, устало. Я поглядываю в зеркало: Мила спит, подложив ладошки под щёку, и во сне она кажется совсем юной, беззащитной. Дышит ровно, губы чуть приоткрыты, и я ловлю себя на том, что опять залипаю. Да что ж такое-то, а? Трясу головой, словно пёс, отгоняя наваждение, и сосредотачиваюсь на дороге.

Впереди, за поворотом, показывается ржавый, покосившийся указатель с облезлой краской, но я и без него знаю, куда ехать. Сворачиваю на грунтовку, и машину начинает потряхивать на ухабах. Мила во сне тихонько мычит, но не просыпается. Ветки деревьев, мокрые, тяжёлые, хлещут по лобовому стеклу, дворники скрипят, не успевая смахивать листву.

Деревня появляется внезапно, как призрак из тумана. Тёмные силуэты домов, покосившиеся заборы, заросшие бурьяном палисадники. Ни одного огонька, ни одного живого звука, кроме дождя и шороха мотора. Вымерла деревня давно, ещё когда я пацаном был. Кто уехал в город, кто помер, а кто и вовсе сгинул в лихие девяностые. Остался только бабушкин дом — крепкий, срубленный на совесть, с резными наличниками и высокой печью. Дед мой его строил, потом батя подновлял, а теперь вот я наезжаю — раза три в год, а

то и реже. Рыбачу, душой отдыхаю, с призраками прошлого разговариваю.

Останавливаюсь у калитки, глушу двигатель. Тишина обрушивается сразу, оглушая, как удар по ушам. Только дождь шуршит по крыше да где-то далеко в лесу ухает филин.

— Мила, — зову тихо, оборачиваясь. — Приехали.

Она не просыпается. Приходится выйти, открыть заднюю дверь и легонько потрясти её за плечо. Малышка вздрагивает, распахивает серые, испуганные глаза, но уже без той дикой злости, что была на трассе. Смотрит на меня, узнаёт, и страх уходит, уступая место сонной растерянности.

— Где это мы? — спрашивает хрипло, оглядываясь.

— У меня. Точнее, в доме моего детства. Здесь бабушка с дедом жили, а теперь никого не осталось. Так что не бойся, здесь тебя точно искать не будут. Пойдём, надо тебя накормить и спать уложить.

Вылезаю, подаю ей руку. Мила выбирается из машины, ёжась в моём свитере, который ей велик на несколько размеров. Стоит, озирается, прижимая к груди сумочку — единственное, что у неё осталось. А я тем временем достаю из багажника фонарь, сумку с продуктами, удочки — всё, что брал для рыбалки. И тут же ловлю себя на мысли, что рыбалка-то теперь под вопросом. С этой занозой не до удочек будет.

— Пошли, — киваю на дом. — Только осторожно, ступеньки скользкие.

Ключ проворачивается в замке с хрустом, словно жалуясь, что давно здесь никто не был. Дверь открывается с тяжёлым скрипом, и в нос ударяет запах старого дерева, пыли и сушёных трав. Бабушка всегда развешивала пучки полыни и зверобоя под потолком — от дурного глаза, говорила. С опасением включаю свет, лампочка на веранде мигает, но загорается. Живём.

— Проходи, не стесняйся. Тут небогато, но тепло и крыша не течёт.

Мила делает робкий шаг, потом ещё один. Останавливается посреди веранды, обводит взглядом полки с банками, старый сундук, печь, и вдруг улыбается впервые за весь вечер, по-настоящему.

— Уютно, — говорит тихо. — Как в сказке.

— Ага, в сказке про мёртвую деревню, — не слишком радостно хмыкаю я, ставя сумки на стол. — Ты пока осмотрись, а я печь затоплю. Тут воды нет горячей, только из колодца, но я согрею.

Малышка кивает и осторожно идёт вглубь дома, а я остаюсь на кухне, разжигаю печь, ставлю чайник. Огонь занимается быстро, весело потрескивают дрова, и в доме сразу становится как-то обжитée, что ли. Теплеет не только телу, но и на душе.

— А тут и правда никого нет? — доносится из комнаты девичий голос.

— Никого, — откликаюсь. — Только я, ты, да мыши в

подполе. Но они не кусаются, если их не трогать.

Через минуту Мила появляется в дверях, держа в руках старую фотографию в рамке, на которой бабушка с дедом, молодые, смеются, держатся за руки.

— Твои? — спрашивает.

— Мои. Дед умер, когда я в училище поступал. Бабушка потом ещё лет десять здесь жила, а как не стало её, дом мне остался. Вот приезжаю — проведать.

В лице Милы что-то меняется, и она ставит фотографию на место, аккуратно, словно это хрусталь. А потом подходит ко мне, садится на табуретку рядом с печкой, протягивает руки к огню. Я наливаю ей крепкого чая с мёдом, и она обхватывает кружку обеими ладонями, прикрывает глаза.

— Спасибо, — говорит еле слышно. — За то, что не бросил.

Удивительно, что дочка Утюга знает такие слова, как «спасибо». Но Мила ломает моё стереотипное представление о детях олигархов. Она точно не пустоголовая избалованная мажорка, прикрывающаяся именем и бабками папочки.

— Не благодари, — отмахиваюсь, но голос почему-то садится. — Я же сказал: русский офицер. У нас это… в крови, что ли.

Мила открывает глаза и смотрит на меня как-то странно и уязвимо. А я невольно любуюсь ей: рыжие волосы, прилипшие ко лбу, веснушки, которые проступили на бледных ще-

ках, чувственные губы, обхватившие край кружки. И понимаю, что не так уж и хочу, чтобы она уезжала в свою Японию. Но говорю совсем другое:

— Пей и спать. Завтра будем думать, что с тобой делать. Утро вечера мудренее.

И вновь малышка кивает, даже не споря, и отпивает глоток. А я смотрю в огонь и думаю: ну и влип ты, Шмель. Ох и влип.

Глава 5

Просыпаюсь от того, что в доме пахнет не пылью, а чем-то съестным и невероятно аппетитным. Открываю глаза и первым делом смотрю на часы: половина восьмого. Я обычно в шесть встаю, а тут проспал, как пацан на каникулах. Вчерашний день, видимо, даром не прошёл.

Натягиваю штаны, выхожу из комнаты и замираю в дверях.

Мила стоит у печи. В моём свитере, рукава подвёрнуты, волосы собраны в какой-то нехитрый пучок на затылке, из которого выбились рыжие пряди. Она что-то помешивает в чугунке, и по всей кухне разносится такой запах, что у меня желудок сводит.

— Ты чего делаешь? — спрашиваю, а голос со сна хриплый, как несмазанное колесо.

Малышка оборачивается, и я вижу, как она вздрагивает, но тут же смущённо улыбается. Улыбка у неё, оказывается, совсем другая, когда не злится: мягкая, тёплая, как свет из окна. Да бляха-муха, что же ты творишь, девочка?

— Завтрак готовлю. Ты так спал, что я решила не будить. Думала, проснёшься — поешь.

Подхожу ближе, заглядываю в чугунок и обнаруживаю там кашу. И рядом на столе уже стоят тарелки, нарезанный хлеб,

даже банка с мёдом открыта.

— Ты где всё это взяла? — спрашиваю, а сам всё никак не могу оторвать взгляд от её рук. Тонкие запястья, маленькие ладони, а двигается уверенно, по-хозяйски.

— В шкафу нашла. Крупу, мёд. И ещё в подполе банки с соленьями. Ты, видно, забыл, что у тебя тут целые закрома.

— Не забыл, — бурчу, садясь за стол. — Просто не думал, что ты… — осекаюсь.

— Что я готовить умею? — она усмехается, ставит передо мной тарелку. — Думал, если дочь Утюга, так только ногти отращивать да по бутикам шастать?

Смотрю на неё снизу вверх, и в груди что-то ёкает то ли от раздражения, то ли… Не хочу это называть, но оно там, внутри, ворочается тёплое и тягучее, как этот самый мёд на столе.

— Думал, — честно признаюсь. — Прости.

Махнув рукой, Мила садится напротив, подпирает подбородок ладонью и смотрит, как я ем. И вот это её спокойствие, эта простота — они меня почему-то бесят. Потому что я-то привык, что бабы либо истерят, либо обижаются, либо требуют. А эта девчонка сидит, смотрит и молчит. И улыбается.

— Ты чего не ешь? — киваю на её пустую тарелку.

— Аппетита нет, — пожимает плечами. — Я поела, пока ты спал. Немного.

— Немного — это сколько?

— Ложку. Может, две.

Откладываю ложку. Каша вкусная, зараза, но кусок в горло не лезет.

— Мила. Ты когда последний раз нормально ела?

Она отводит взгляд, и я вижу, как она поджимает губы. Вот. Вот сейчас будет либо истерика, либо отговорки. Но она вдруг выпрямляется, смотрит мне прямо в глаза и говорит:

— Три дня назад. Может, четыре. Я не считала.

— Три дня?! — рявкаю так, что малышка вздрагивает. — Ты с ума сошла? Ты же… — осекаюсь, потому что не знаю, что сказать.

— А ты думаешь, я в бегах — это курорт? — Мила вдруг вспыхивает, и вот она снова — та самая заноза с трассы. — Я не могла есть, не могла спать. Я не знала, кого бояться больше: отца, Фирсова или очередного водителя, который решит, что раз я одна на дороге, то можно и… — она обрывает себя, отворачивается. — Неважно.

Встаю из-за стола и подхожу к ней. Девчонка напрягается вся, как струна, но не отодвигается. И я вдруг понимаю, что она ждёт, что я скажу что-то. Сделаю что-то. А я стою, как идиот, и не знаю, куда девать руки.

— Мила, — говорю тихо. — Ты поешь. Прямо сейчас. Не потому, что я тебя заставляю, а потому что ты нужна мне полная сил и здоровая. Поняла?

Серые, огромные, в которых искрятся слёзы, смотрят мне прямо в душу. Но Мила не плачет. Держится.

— Зачем тебе? — спрашивает шёпотом. — Зачем я тебе

нужна?

И вот тут меня прорывает. Не знаю, что на меня находит. Может, от недосыпа, может, от того, что она смотрит так, будто я — единственное, что у неё осталось. Хватаю её за плечи, притягиваю к себе резко, слишком резко и утыкаюсь носом в её макушку.

— Затем, — говорю в рыжие волосы, — что я, кажется, влип по самое не хочу. Сижу тут, как дурак, смотрю на тебя и думаю: Шмель, ну какой же ты идиот. Тебе отпуск нужен был, чтобы от баб отдохнуть, а ты…

— Шмель? — Мила поднимает голову, и я вижу, что слёзы всё-таки потекли, но она улыбается. — Это твоё имя?

— Позывной, — бурчу, отпуская её. — Шмелёв Андрей.

— Андрей, — повторяет она, и от того, как она это говорит, у меня внутри что-то переворачивается. — Красивое имя.

— Обычное, — отрезаю, отворачиваясь. — Ешь давай. У меня от голодных баб настроение портится.

Мила смеётся, но затем зачерпывает ложку каши и отправляет в рот. Морщится, но ест под моим бдительным взглядом.

Почему-то вдруг думаю: а ведь Батя мне не поверит. Приеду с рыбалки, а привезу не рыбу, а девчонку с серьгами за лям. Ох и устроит он мне…

— Андрей, — окликает меня Мила от стола. — А ты правда моряк?

— Правда.

— А почему тогда в деревне? На море же должен быть.

— На море я на службе. А тут — отпуск. Тишина, покой, рыбалка. Ну, так я думал, пока мне под колёса не бросилась одна рыжая беглянка.

Мой внутренний голодный зверь рычит от восторга и желания, когда Мила вдруг краснеет. Прямо на глазах от шеи к щекам поднимается румянец, и веснушки на его фоне становятся ещё заметнее. И я понимаю, что вот это — самое красивое, что видел за последние годы. А может, и вообще.

И в этот момент раздаётся резкий, тревожный звонок. Мобильный, который я оставил на подоконнике, просто надрывается. Смотрю на экран. «Батя».

И вот тут мне резко становится не до смеха.

— Слушаю, — отвечаю коротко.

— Андрей, — голос у полковника Шилова сухой и жёсткий, как всегда. — Ты где?

— На месте. Отдыхаю.

— Отдыхаешь, значит, — пауза. — А мне тут, знаешь, интересный звонок поступил из милиции. Говорят, вчера ночью на трассе видели девушку, крайне похожую на сбежавшую дочь бизнесмена Утюга. Представляешь?

Я молчу и смотрю на Милу, которая замерла за столом, с ложкой в руке, и в глазах у неё плещется дикий, звериный страх.

— Не представляю, — говорю ровно. — А я тут при чём?

— А при том, что твоя машина, Шмель, засветилась на камере в том районе вчера ночью. И я тебя, как родного, спрашиваю: ты что, совсем сдурел? Дочку Утюга подобрал?

Медленно выдыхаю.

— Батя, — говорю тихо. — Тут такое дело…

Слова застревают в горле, ибо понимаю, что влип я по-настоящему, что теперь просто так не отделаюсь. Ни от Утюга, ни от Бати, ни от этой рыжей занозы, которая смотрит на меня, как на последнюю надежду.

Глава 6

— Батя, — говорю тихо, а сам смотрю на Милу, у которой ложка в руке дрожит. — Тут такое дело…

— Дело у него, — рычит Шилов в трубку. — Ты хоть понимаешь, во что вляпался? Утюг на уши весь регион поднял. Ищут девчонку. А ты, блин, рыцарь без страха и упрёка, её в свою машину посадил и увёз хрен знает куда? Совсем ебанулся?

— Она под колёса мне кинулась, — говорю ровно. — Я что, должен был её там в ночи под дождём оставить?

— Должен был! — рявкает Батя. — Потому что это не твоя война, Андрей! Ты офицер, а не нянька для беглых девиц!

Мила тихонько откладывает ложку и решительно встаёт. Смотрит на меня так, будто сейчас скажет: «Отвези меня обратно, я не хочу тебе проблем». Придавливаю её взглядом — сиди, мол.

— Батя, — говорю в трубку, — я её не брошу. Ты меня знаешь.

В трубке слышу, как сопит начальник, как скрипит его кресло. Полковник Шилов думает. А когда он думает, лучше не перебивать.

— Знаю, — наконец выдыхает он. — Поэтому и спраши-

ваю: что тебе нужно?

— Прикрытие. Чтобы на время поисков мою машину не трогали. И чтобы ты узнал, что там у Утюга на уме. Может, не всё так страшно, как кажется.

— Не всё так страшно? — Батя хмыкает. — Андрей, ты хоть понимаешь, кто такой Утюг? Это не просто уголовник. Это человек, у которого мэр на побегушках. Он дочку свою за Фирсова сватает — а Фирсов, это, между нами, вообще отморозок. У него три ходки, и все за изнасилование. Только доказать не смогли. Утюг с ним бизнес делит, а девчонка — так, разменная монета.

У меня внутри всё холодеет. Смотрю на Милу, которая стоит у печи, обхватив себя руками, и по лицу её видно, что она всё слышит. И что она это знала.

— Батя, — говорю тихо, — я её не отдам. Ни Фирсову, ни Утюгу. Помоги.

Ещё одна долгая пауза, а потом Шилов говорит устало, как человек, который знает, что делает глупость, но по-другому не может:

— Ладно. Прикрою я твою машину. Скажу, что она в ремонте, а ты, мол, на другом транспорте уехал. Но это ненадолго, Андрей. Дней пять, может, неделя. Потом Утюг начнёт копать глубже, и никакое прикрытие не поможет. И ещё: держи эту беглянку подальше от людей. Чем меньше народу знает, что она у тебя, тем лучше.

— Понял.

— И Андрей… — голос Бати вдруг становится мягче. — Ты это… аккуратнее. Не привязывайся к ней слишком. Девчонка она видная, сам понимаешь.

— Понял, Батя, — говорю, а сам думаю: поздно, командир. Очень поздно.

Кладу трубку и оборачиваюсь. Мила стоит, не двигается. Смотрит на меня так, будто я только что приговор ей зачитал. Или помилование. Не поймёшь.

— Ну что, — говорю, — слышала?

— Слышала, — тихо отвечает. — Андрей, если из-за меня у тебя проблемы…

— Заткнись, — перебиваю без злости. — Проблемы у меня были бы в любом случае. Просто теперь их стало больше. — Подхожу к ней, беру за подбородок, поднимаю лицо. — Ты мне вот что скажи: ты знала, что Фирсов — насильник?

Малышка упрямо молчит, но губы дрожат, выдавая её. Потом кивает едва заметно.

— Знала, — шепчет. — Отец сказал, что «мужик с характером». Что я должна «потерпеть». Что все бабы терпят, и ничего.

— Все бабы… — повторяю я, и во мне поднимается такая злость, что руки трясутся. — Ну, Утюг, ну, сука…

— Андрей, — Мила кладёт ладонь мне на грудь. Такая маленькая, тёплая рука, а меня словно током прошибает. — Не надо. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты из-за меня…

— А я не из-за тебя, — говорю. — Я из-за справедливо-

сти. Есть у меня такой бзик, понимаешь. Русский офицер, блин.

Мила смеётся сквозь слёзы, а я понимаю, что пропал. Окончательно и бесповоротно.

День выдаётся серый, но тёплый. Дождь кончился ещё ночью, и воздух стал чистым, промытым, пахнет мокрой землёй и травой. Я вытаскиваю из сарая удочки, старую лодку — дед ещё в ней рыбачил — и начинаю перебирать снасти.

Мила выходит во двор и замирает на крыльце. Смотрит на меня, потом на удочки, переводит взгляд на реку, которая блестит вдалеке за деревней.

— А мы… на рыбалку? — спрашивает, и в голосе такое изумление, будто я ей билет на луну предлагаю.

— Ага. Ты же в отпуск со мной приехала, вот и будем отдыхать по программе. Тишина, покой, рыбалка. Ты вообще рыбачила когда-нибудь?

— Нет, — признаётся она. — Отец… он не разрешал. Говорил, это не женское дело.

— Ну, твой отец много чего говорил, — отрезаю. — А ты, вроде, уже не при нём.

Мила вспыхивает, а потом вдруг улыбается широко, по-настоящему, как ребёнок, которому разрешили то, что всегда запрещали. Подбегает ко мне, хватает удочку неумело, но с таким энтузиазмом, что я невольно хмыкаю.

— А как это работает? А мы правда что-то поймаем? А можно я сама заброшу? — тараторит она.

— Погоди, погоди, — смеюсь я. — Не всё сразу. Сначала научись червя насаживать.

— Фу, — морщится недовольно. — Это гадость.

— Рыбалка — это тебе не ногти красить, принцесса.

Она поджимает губы, смотрит на меня с вызовом. А потом говорит:

— Давай сюда своего червяка.

Ох, ну не девка, а золото! И хрен кому я это золото отдам.

На реке тихо. Вода тёмная, спокойная, отражает серое небо. Я сижу на берегу, налаживаю снасть, а Мила устроилась рядом, поджав ноги, и наблюдает за мной так внимательно, будто я не удочку собираю, а как минимум космический корабль.

— Вот смотри, — говорю, — леска, грузило, крючок. Насаживаешь червя вот так, через колечко, чтобы не сорвался. Потом забрасываешь — плавно, не резко. И ждёшь.

— И сколько ждать?

— Пока не клюнет.

— А если не клюнет?

— Значит, не судьба.

Малышка хмурится, но внимательно наблюдает, когда я показываю, как забрасывать. Повторяет за мной неумело, но старательно. Удочка у неё в руках кажется огромной, нелепой, но Мила держит её так серьёзно, будто это не палка с леской, а снайперская винтовка.

— Андрей, — говорит вдруг она, — а ты правда думаешь,

что мы что-то поймаем?

— Поймаем, — киваю. — Я тебе обещаю.

И тут её поплавок дёргается. Первая поклёвка — и у неё. Мила вскрикивает, дёргает удочку и вытаскивает на берег маленького окуня.

— Я поймала! — орёт она на всю реку. — Андрей, я поймала! Смотри, смотри!

И прыгает на месте, как ненормальная. А я смотрю на неё — растрёпанную, довольную, с этим окунем в руках — и думаю, что вот так походу и выглядит счастье..

— Молодец, — говорю. — Теперь снимай с крючка.

— Как?

— А вот так. — подхожу, беру тонкие тёплые руки в свои, показываю. Мила замирает. Я чувствую, как она дышит — часто, взволнованно. И как её пальцы дрожат под моими. — Спокойно. Он не кусается.

— А если кусается?

— Тогда я его укушу.

Забросив голову, девчонка смеётся. А я — нет. Потому что мы стоим слишком близко, и я чувствую, как от неё пахнет рекой, солнцем и чем-то тёплым, женским. И мне стоит огромных усилий отойти в сторону и не притянуть Малышку к себе.

К обеду становится жарко. Солнце пробивается сквозь тучи, и воздух наливается той самой летней духотой, от которой хочется залезть в воду и не вылезать.

Мила сидит на берегу, обмахивается ладонью и смотрит на реку с такой тоской, что я не выдерживаю.

— Что, жарко?

— Ужасно. — она поворачивается ко мне. — Андрей, а можно… искупаться?

— Купайся. Река чистая, тут никого.

— Только у меня нет купальника, — говорит она и краснеет.

Я смотрю на неё и вдруг понимаю, что она предлагает.

— То есть ты хочешь…

— Ну, ты отвернёшься, — быстро говорит она. — Пожалуйста. Мне так жарко, что я умру. А ты не смотри. Обещай, что не будешь смотреть.

Ангелы небесные, это что за очередное испытание? Ну я же не железный!

— Иди уже, — говорю я, и голос у меня почему-то садится.

Хмыкнув, отворачиваюсь. Слышу, как девчонка шуршит одеждой, как входит в воду и плещется, фыркая от холода. И всё это время я смотрю в другую сторону: на лес, на небо, на что угодно.

Меня хватает минуты на две. Может, три. А потом оборачиваюсь. Был бы я художником — нарисовал эту Венеру, предал всю её красоту, но я всего лишь обычный мужик, поэтому вцепляюсь в траву и едва дышу от того, какая Мила неприлично преступно совершенная.

К счастью, она не замечает. Плещется, смеётся, что-то напевает. А я смотрю и не могу оторваться. И ненавижу себя за это.

— Андрей! — кричит малышка вдруг. — А тут глубоко?

— Нет, — отзываюсь хрипло. — По пояс. Но только не заходи дальше, чем на три шага, там уступ.

— А почему у тебя голос такой?

— Потому что жарко, — вру я. — Тоже искупаться хочу.

Она смеётся и делает шаг вперёд: туда, где дно уходит вниз. Я знаю это место, сам пацаном тут нырял. Там глубоко, и течение подкручивает.

— Мила, стой! — кричу, но поздно.

Камень под ногой девчонки выскальзывает, она взмахивает руками и уходит под воду мгновенно. Только рыжие волосы мелькнули на поверхности — и всё.

Даже не понимаю, как оказался в воде. Помню только, что удочка отлетела в сторону, сапоги остались на берегу, а сам я уже бью руками, гребу к тому месту, где она исчезла.

— Мила! Мила!

Холодная вода принимает в объятия, когда ныряю. Под водой мутно, но я вижу её: светлое пятно, которое медленно опускается. Хватаю за руку, тяну на себя. На панике девчонка вцепляется в меня мёртвой хваткой, тянет вниз, потому что паника сильнее разума.

«Спокойно, малышка, спокойно», — думаю я, пока выталкиваю её на поверхность. Она хрипит, кашляет, но ды-

шит.

— Держись за меня! — рявкаю, и Мила слушается. Обхватывает меня руками, прижимается так, что я чувствую, как колотится её сердце. — Всё, всё. Я держу.

Задыхаясь, вытаскиваю мою драгоценную ношу на берег. Она падает на траву, кашляет, выплёвывает воду. Мокрая, дрожащая, с прилипшими к лицу волосами. Малышка всхлипывает от страха, от облегчения, от всего сразу.

— Я не умею… — ревёт она. — Я не умею плавать, Андрей. Совсем не умею. Я думала, там мелко, я думала…

— Тихо, — перебиваю. Сажусь рядом, притягиваю дрожащую Милу к себе. Она утыкается мне в грудь, и я чувствую, как она трясётся. — Тихо, малышка. Всё. Я рядом.

Она поднимает на меня глаза.

— Ты… — шепчет неверяще, — ты меня спас.

— А ты думала, я тебя утоплю? — пытаюсь пошутить, но голос не слушается.

— Я думала… я думала, что умру. Что всё. Что я так и не…

Она не договаривает, а я не спрашиваю. Просто держу, прижимаю к себе и понимаю, что никуда не отпущу.

Глава 7

Домой идём молча. Мила всё ещё дрожит, хоть я накинул ей на плечи свою куртку. Она кутается в неё, как в одеяло, и я вижу, как её пальцы всё ещё цепляются за воротник. Не отпустило ещё.

У крыльца малышка останавливается, словно налетев на невидимую стену, и оборачивается. В её взгляде появляется что-то новое, от чего у меня внутри всё натягивается, как леска перед поклёвкой.

— Андрей, — говорит тихо. — Ты правда за мной нырнул.

— Нырнул, — соглашаюсь, доставая ключ.

— Я могла утонуть.

— Могла.

— А ты… ты даже не думал?

— Не думал, — говорю честно. — Просто прыгнул.

— Почему?

Вот ведь заноза. Вопрос в лоб. И ведь не успокоится, пока не отвечу.

— Потому что ты мне нужна, — выдавливаю из себя. — Живая. Здоровая. И вообще… — машу рукой, — неважно.

— Важно, — Мила делает шаг вперёд и теперь стоит почти вплотную. — Для меня — важно.

— Мила…

И тут она делает то, чего я совсем не ожидаю: поднима-

ется на цыпочки, хватает меня за мокрую рубашку, которая липнет к телу и целует.

Девочка действует неумело и робко. Будто пробует на вкус — можно или нет. А у меня внутри всё вспыхивает, как порох от спички. Я же мужчина, в конце концов. И когда меня целует такая девчонка — не просто целует, а вкладывает в это всё, что у неё накопилось — я не могу стоять истуканом.

Обхватываю её за талию, притягиваю к себе. Мила ахает мне в губы, но не отстраняется. Наоборот — прижимается сильнее, и её руки перебираются с груди на шею, зарываются в мокрые волосы на затылке.

Поцелуй становится другим: глубоким, голодным. Будто мы оба слишком долго шли по пустыне и наконец дорвались до воды. Я чувствую, как её губы раскрываются, как её язык несмело касается моего, и у меня крышу сносит окончательно.

Мила пахнет рекой и мной. И чем-то ещё — сладким, тёплым, её собственным. И я тону в этом запахе. Тону так же, как она тонула в реке минуту назад.

— Мила, — выдыхаю ей в губы, отстраняясь на секунду. — Ты понимаешь, что делаешь?

— Понимаю, — шепчет она, и глаза у неё тёмные, шальные. — А ты?

— Я — нет, — честно говорю. — Но, кажется, мне уже всё равно.

Подхватываю её на руки, толкаю дверь и захожу в дом.

Мила обхватывает меня ногами, прижимается так, что я чувствую каждую её клеточку через мокрую одежду.

Где-то на краю сознания мелькает мысль: «Шмель, ты идиот. Ты вляпался по самое не хочу». Но я её гоню. Потому что сейчас, в эту секунду, мне плевать на всё. Есть только эта невероятная девчонка — рыжая, тёплая, моя.

— Андрей, — шепчет пьяно между поцелуями, — я тебя… ты мне…

— Тихо, — говорю, прижимая её к стене в коридоре. — Не говори ничего. Просто… просто не отпускай.

И она не отпускает.

Мой свитер, который был на ней, летит на пол. Тонкие девичьи пальцы дрожат, расстёгивая пуговицы на моей рубашке, которые никак не хочет поддаваться. Я помогаю, рву сам, не глядя, и слышу, как трещат нитки. Плевать.

Мила выдыхает рвано, когда я прикусываю её кожу там, где шея переходит в плечо. Тихий стон, от которого у меня внутри всё переворачивается. Её руки блуждают по моей спине, ногти царапают лопатки.

— Мила, — рычу, подхватывая её под бёдра, — если ты сейчас не скажешь «стоп», я…

— Не скажу! И не надейся.

И вот тут я далёкий, но отчётливый звук рокота моторов, который приближается по грунтовке с той стороны, откуда я приехал.

Замираю, ощущая тревогу. Внутри всё сигнализирует:

"Опасность!"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.